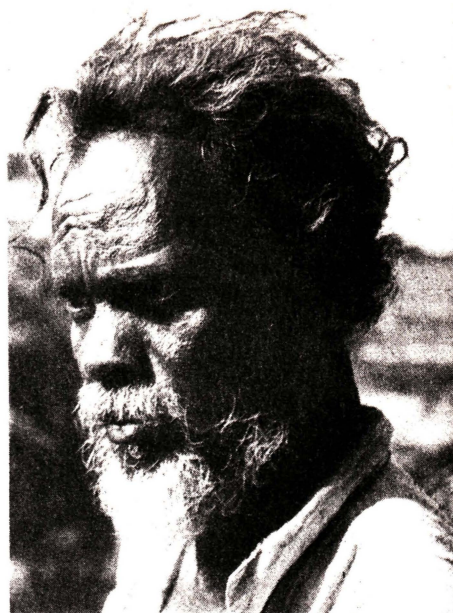
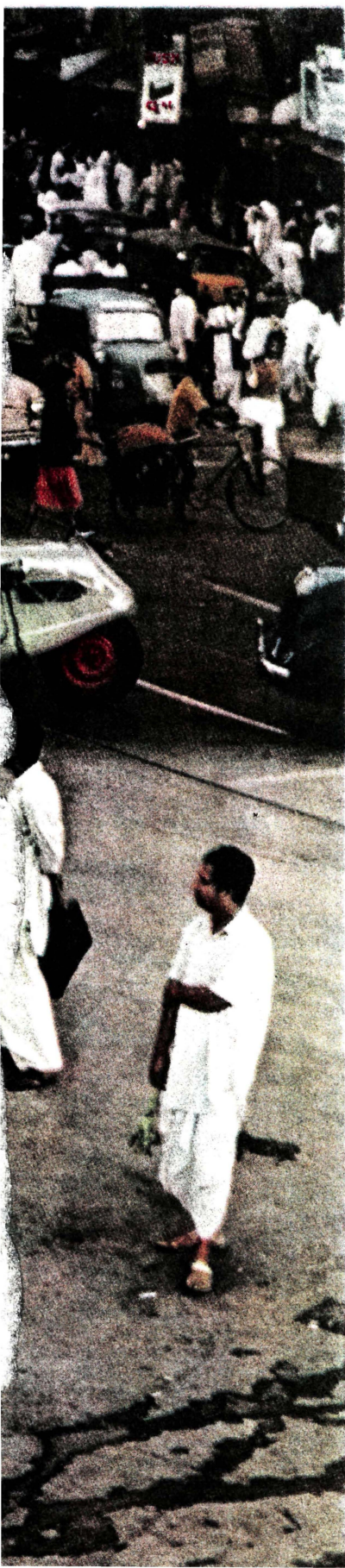

ВОКРУГ **СВЕТА**

6 1974
ИЮНЬ

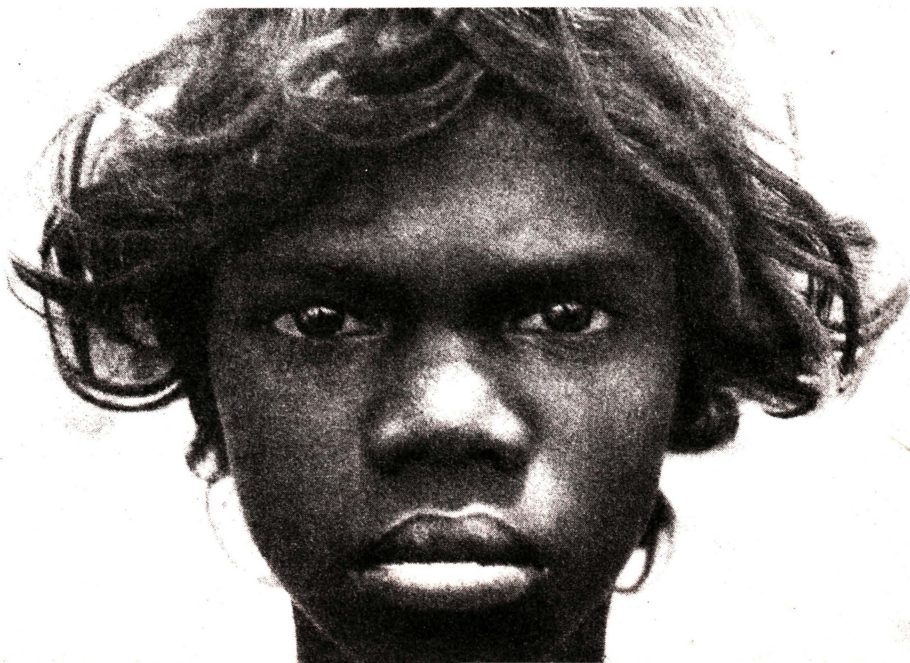
Л. ШАПОШНИКОВА,
кандидат исторических наук,
лауреат премии имени Дж. Неру

ПЛЕМЯ НА КВАРЦЕВЫХ ХОЛМАХ

НАШЕСТВИЕ
ПРОТОАВСТРАЛОИДОВ

Я встречала их в Индии повсюду. От Гималаев до мыса Коморин. Они пред-

ставали передо мной в самом разном качестве. Среди них были министры, профессора университетов, простые крестьяне, рабочие плантаций. Всех не перечислишь. Легче сказать, кем они не

были. Там, где о них почему-то не помнили, они насмешливо глядят с барельефов старинных храмов, растянув в застывшей улыбке толстые губы. И ошибиться нельзя. Это опять они. В развалинах древнего Читтургарха, на краю Раджастханской пустыни их лицами украшены колонны храма Солнца. И сам бог-Солнце — Сурья — один из них. Так же, как и у них, у Сурьи широкий нос, толстые губы и улыбочиво-задумчивые глаза. Такими же глазами смотрел на меня страж около дворца Джайпурского махараджи. Он стоял у сводчатых ворот, которые вели во двор со множеством арок, переходов и причудливых башенок.

— Я мина, — гордо сказал он мне, ткнув пальцем в золотую пуговицу своего белого сюртука.

— А кто такие мина? — спросила я.

Он удивленно вскинул голову и горестно покачал красным тюрбаном.

— Ты не знаешь, кто такие мина?

— Нет, — чистосердечно призналась я.

— О-о-о! — снова загоревал страж. — Ведь мина самое древнее племя в этих краях. Смотрите, мы непохожи на раджапутов.

Действительно, он не был похож на раджапута. В его лице отчетливо проступали черты бога Сурьи с колонн Читтургархского храма.

Когда я встречала их, то у меня в памяти возникала изящная бронзовая статуэтка танцовщицы из Мохенджо-Даро. Статуэтке было, по крайней мере, пять тысяч лет. Но те же пропорции, те же черты я видела и в ныне живущих. Богиня Мариамма, богиня Кали, воинственный Дварпалака, мифические асуры были из их числа. И даже на статуях Будды иногда исчезала традиционная утонченность облика великого учителя, и улыбка каменных губ свидетельствовала об иных представлениях и иных связях...

Говорят, в древности они приносили жертвы богиням, которым поклонялись, чтили Солнце, молились змею, рассказывали истории о животных, которых считали родовыми предками. Многие из этого они сумели пронести через века и придать всем этим неповторимое своеобразие общей индийской культуре. Они сумели даже больше. Сохранили себя в виде целых племенных островков. Они представляли и представляют собой древнейший слой индий-

ского населения. Они говорят на разных языках, принадлежат к разным кастам, поклоняются разным богам, имеют разные профессии и занимают разное место в современной жизни. Они рассеяны по всей стране, и большинство из них забыло, что их предки имели отношение к изначальной культуре страны и что племена, о которых они время от времени слышат, составляли первооснову этой изначальности.

Теперь все в них разное, но общее только одно. То, что ученые называют антропологическим типом. И тип этот примечателен: темная кожа, мелко вьющиеся волосы, широкие носы, толстые губы, удлинённая форма головы, небольшой рост.

Антропологи называли их протоавстралидами в честь материка, который предки последних заселили около 30 тысяч лет назад.

АВТОБУС В КАМЕННЫЙ ВЕК

В одно прекрасное и сияющее тропическое утро я вошла в комнату, где размещалось наше мадрасское представительство. Секретарь — индеец Пракаш, не успев даже поздороваться, выпалил:

— Мадам, вас дожидается там один протоавстралоид.

— Кто? — не сразу поняла я.

— Ну этот, которых вы изучаете, — пояснил Пракаш.

Протоавстралоид, скромно прикрывшись на диванчике в нашей приемной, оказался адвокатом из Неллур. Он был нашим другом и членом Индо-советского культурного общества. Он смешно морщил широкий нос, и улыбка не сходила с его толстых губ, когда он уговаривал меня приехать к ним в Неллур. Неллур, заштатный городишко в Андхра, не входил в мои планы. И поэтому предложение Протоавстралоида не вызывало во мне ответного чувства. Но тут Пракаш, который относил себя, несомненно, к европеоидам, неожиданно пришел на помощь неллурскому Протоавстралоиду.

— Мадам, — шепнул он мне, — у них есть племена. — И с деланно равнодушным видом отошел в сторону.

В душе «мадам» катастрофически быстро стало нарастать ответное чувство.

— У вас есть племена? — как будто между делом спросила я Протоавстралоида.

— О! — оживился Протоавстралоид. — У нас есть велико-лепное племя янади. Мы им очень гордимся. Очень древнее племя.

Янади не дошли еще до ступени скотоводства. Настоящий каменный век. Раньше у них даже ткани не было. Они делали одежду из листьев. Правда, приезжайте, ведь такое очень интересно посмотреть.

— Ну а как они внешне выглядят? — не унималась я.

Протоавстралоид задумался и провел рукой по буйно вьющейся шевелюре.

— Затрудняюсь даже объяснить. Ну вот взять, к примеру, меня. Нет, на меня они непохожи, — он решительно тряхнул шевелюрой.

— А... — разочарованно протянула я.

— Ну что же вам можно о них сказать? — продолжал он, как будто что-то припоминая. — У них широкие носы, толстые губы, кожа темная, рост небольшой.

В углу около дивана раздался звук, похожий на кошачье фырканье. Это был вежливый и сдержанный смех европеоида Пракаша. Адвокат точно описал свою внешность.

— Подходит, — сказала я, поднимаясь с дивана. — А как добираться до вашего каменного века?

— Очень просто, — ответил Протоавстралоид. — В каменный век можно проехать на автобусе, можно на машине. Это ведь недалеко. Миль двести.

На следующее утро меня уже ждала машина, следовавшая по маршруту Мадрас—каменный век.

ДЕРЕВНИ БЕЗ НАЗВАНИЙ

Отыскать каменный век в сутолоке современной жизни было не так просто. Когда я приехала в Неллур, мне объяснили, что искать его надо где-то между городом и полотном железной дороги. Расположение для каменного века было довольно странным...

Шоссе шло параллельно железной дороге. С противоположной стороны к дороге подступала сухая земля, покрытая редкими зарослями колючего кустарника. Где-то за этой полосой неухоженной земли начинался город, и, если попристальней взглядеться, там, у пыльного горизонта, можно было различить какие-то нагромождения каменных городских строений. Мы проехали миль две, и вдруг в придорожном ландшафте появилась некая новая и странная деталь. Сооружения, напоминавшие то ли круглые большие муравейники, то ли небольшие стожки, прикрытые паль-

мовыми листьями. Они то появлялись, то вновь исчезали в призрачном мараеве.

«Что за наваждение? — подумала я. — Зачем они здесь? Человеческое жилье? Вряд ли. Во круг не видно ни изгороди, ни клочка возделанной земли...»

И как бы ломая всю стройную логику моих размышлений, из одного «стожка» неожиданно появился человек.

— Стойте! — сказала я. — Здесь кто-то есть.

Человек был темнокож и строен. Буйно выющиеся волосы падали на глубоко посаженные глаза. Бедро охватывала узкая полоска ткани, а на шее на грязном шнурке висел коготь какой-то неведомой мне птицы. В руке у человека был нож. Нож с кремневым лезвием.

Завидев нас, он как-то неожиданно подпрыгнул на месте, прокрутился на одной ноге и, ринувшись к «стожку», исчез в его недрах. Как будто никого и не было. Я подумала, что мне все померещилось: и этот протоавстралид в набедренной повязке, и нож с каменным лезвием, и когтистый птичий амулет. Но «стожок», по-прежнему стоял на месте. Я поняла, что это хижина. И вошла в нее.

На земляном полу догорали, подергиваясь тонкой пленкой пепла, аккуратно сложенные поленья. Рядом с ними стоял глиняный горшок. Кто-то сопел в темном углу.

— Послушай, как тебя зовут?

Ответа не последовало, но сопение усилилось. Мой неллурский приятель Рагавия решил вмешаться.

— Как тебе не стыдно! Ты же янади! Почему ты испугался? А ну выходи!

В хижине что-то шевельнулось, сопение прекратилось, и янади робко ступил в полосу солнечного света. Его звали Шамбайя. А вот у деревни названия не было. Так же, как и у многих, которые я потом встречала. Деревня Шамбайя была до странности пустынной.

— А где женщины? — поинтересовалась я.

— Там. — Шамбайя махнул рукой в сторону города.

— Где там? — переспросила я.

— В городе.

— А что они там делают?

— Побираются. Просят еду.

Поворот был неожиданным. Люди каменного века, побирающиеся на улицах современного города. Все как-то сдвинулось и спуталось. Каменный век неотвратимо уплывал в призрачную даль

прошлого. Здесь же, в настоящем, он оставлял растерянного Шамбайю, хижин-стожки и нож с кремневым лезвием.

Вдоль дороги на много миль тянутся одна за другой эти странные деревни без названий. Несколько круглых хижин-шалашей — вот и все. Ни полей, ни обычной для деревни разнообразной живности, ни улиц, ни храма... Кажется, что хижин только сейчас поставили в каком-то случайном месте, а завтра их обладатели уйдут куда-нибудь дальше. Во всем облике этих деревень чувствуется какая-то временность и нестабильность. Такое впечатление всегда возникает, когда видишь селения кочевников. Янади и были ими. Случилось так, что шоссе проложили по древнему кочевому пути, по которому век за веком кочевали янади. Над страной проносились бури. Но они не нарушали их традиционного уклада жизни. Иногда янади наблюдали не понятные им битвы и старались держаться подальше. Так они шли много поколений по стране и не заметили, как изменилась жизнь, как появились современные города, как по железным рельсам застучали колеса поездов, как по проложенным шоссе поехали машины. Потом их остановили, предложили жить оседло и дали по клочку земли. Их стали селить в колониях хариджан — бывших неприкасаемых, где они оказались вместе с другими «внекастовыми». Но они продолжали кочевать между колониями, легко оставляя на прежнем месте дарованную им землю.

Так два мира — мир прошлого и мир настоящего — поместились рядом и во времени и в пространстве. Но каждый из этих миров жил своей жизнью. В мире янади умели собирать древние лекарственные травы и съедобные корни, но не умели считать. Янади проходили огромные расстояния, но мерили его локтями, не подозревая о существовании мили и километра. Время янади отличалось от времени в соседнем мире. Оно оказалось более значительным и растянутым. Крик петуха, восход солнца, восход Полярной звезды, заход солнца. Современный мир добавил им только одну временную веку — гул самолета, пролетающего регулярно над деревней. Как и в древности, они отмечали месяцы и годы значительностью произошедших событий. Они находили речные заводы, богатые рыбой, умело выслеживали мел-

кого зверя в редких островках еще сохранившихся джунглей. Но они не знали социальной значимости денег и не мерили достоинство человека этой значимостью. Они были оригинальны, самобытны и по-своему талантливы.

Соседний мир денег и машин не простил янади их упрямого стремления сохранить себя и традиции своих предков. Даже самые низшие касты этого мира считали себя выше янади. Торговцы их обманывали, ростовщики их грабили, чиновники их не замечали. Полиция самоуправствовала в их деревнях.

Янади оказались изгоями, чьи деревни без названий пугливо прижались к обочине современного шоссе, чьи женщины побираются на улицах современного города...

БАРАБАНЫ, КОТОРЫЕ НЕ ЗВУЧАТ

Предки, спасите нас
От беспокойств и несчастий,
Пусть все останется так,
как сейчас.

Голос, произнесший эту своеобразную молитву-заклинание, звучал тихо и печально. Я подняла глаза вверх и увидела яркие крупные звезды, просвечивающие сквозь бамбуковые жерди недостроенной хижины.

— А почему «как сейчас»? — спросила я.

Старик повернул ко мне свое лицо. Оно было как негатив. Волосы, спадавшие кудрями на лоб, были белые, такими же были брови и борода. А черты темного лица с трудом угадывались в вечернем сумраке.

— Но может быть и хуже. Так пусть будет хотя бы как сейчас, — философски заметил он и опустил голову.

Мы сидели на голой земле в недостроенной хижине. В глиняном очаге, вделанном прямо в пол, то вспыхивали, то погасали догорающие поленья. Временами огонь прорывался сквозь них, и тогда наши тени начинали неожиданно расти и достигали бамбуковых жердей, под которыми на пыльно-прокопченных веревках висело несколько глиняных горшков. Больше в хижине ничего не было, если не считать плетеного кузова, наполненного мелкой вяленой рыбой.

Что может быть хуже, я не знала. Но старик янади имел свой опыт и, видимо, знал...

Глинобитные хижинки примостились между шоссе и железной дорогой. Подслеповатые окна

жилищ светились огоньками керосиновых ламп. Ночные бабочки вились у запыленных колпаков фонарей. Пахло человеческим жильем, дымом паровозов и машинным маслом. В поселке было зноино и душно.

Нималавенкайя — так звали старика — принадлежал к роду Нимала — Лимонное дерево.

— Лимонное дерево, — рассуждал он, — приносит кислые плоды. А когда плоды маленькие, они бывают горькими. Так и жизнь моего рода — горько-кислая. Да и осталось нас в роду совсем немного. Остальных мы уже давно растеряли. Я слышал, что несколько семей моего рода кочует где-то недалеко от нашего города. Но я никогда их не видел. Все мы, живущие здесь, тоже когда-то кочевали и строили хижину вдоль дорог. А теперь нам велели жить здесь.

Нималавенкайя, по-стариковски похрапывая, поднимается и выходит из хижины. Я иду за ним. Из темноты навстречу нам выступают несколько человек. Я сразу замечаю гибкую фигуру юноши. На нем ничего нет, только на бедрах неопрятный лоскут.

— Наш старейшина, — говорит Нималавенкайя.

Старейшине от силы лет двадцать пять. Руки старейшина держит почему-то за спиной. Потом, очевидно решившись, протягивает мне обод от барабана.

— Это что? — не сразу понимаю я.

— Барабан, — тихо говорит старейшина.

— Ну и что? — снова недоумеваю я.

— Барабан, который не звучит, — и опускает голову. Потом встряхивает буйной шевелюрой и говорит быстро и горячо, боясь, что его могут перебить и он забудет о том, что хотел сказать. Его жесты выразительней и красноречивее слов. — Раньше в каждой хижине янади был барабан. Они звучали по всей округе. — Старейшина бьет по ободу. — И все знали, что это янади. У нас есть пословица: «Для янади барабан, что вода для рыбы». Наши предки пугали барабанным боем диких зверей, а потом били в барабаны и танцевали. А что осталось теперь у нас? — Он поднимает обод над головой. — Один обод. У нас нет денег, чтобы достать новую кожу для барабана. Она стоит дорого.

И стоящие вокруг люди как эхо повторяют:

— ...дорого.

Теперь я вижу, что янади у хижины старика набралось много.

В темноте какой-то детской печально светятся их глаза. И сами они напоминают мне детей, которые жалуются взрослому и просят его им помочь.

Но старейшина как будто угадывает мои мысли.

— Нет, — твердо говорит он. — Нет, мы не просим у тебя денег. Мы просто рассказываем тебе о наших бедах. Ты вошла в нашу хижину и сидела с янади. Поэтому я тебе все это говорю. Те, в городе считают нас неприкасаемыми. А мы — янади. Они не понимают этого.

— ...не понимают этого, — снова эхом отозвались остальные.

Я всматривалась в лица окружающих меня людей и задавала себе вопрос: что я о них знаю? То, что они принадлежат к племени янади? То, что их предки, протоавстралоиды, были первыми обитателями этой земли? Или то, что янади до сих пор умудрились сохранить элементы культуры каменного века? Нет, я о них знала и другое. Я знала и о том, что люди, стоявшие рядом со мной, добывали себе хлеб поденным тяжелым трудом. Они рубили дрова, подметали городские улицы, убирали особняки, ухаживали за деревьями и цветами в городских садах, крутили педали велорикш. Соседний малопонятный и враждебный им мир заставлял их работать на себя. И они стали париями этого мира, этого города. Неприкасаемыми. Их заманили в западню, и только смерть вырвет их из нее. Но почему разорванный барабан оказался главным во всем этом? Почему старейшина начал именно с него? Почему он не сказал, что за свой труд они получают гроши? Что их обманывают и обсчитывают? Почему? И постепенно я стала понимать. Этот молчаливый барабан превратился сейчас для племени в некий символ. В символ их трагедии.

Луна была уже высоко — и теперь я без труда различала черты стоявших людей. Старейшина замолчал так же неожиданно, как и начал. И вдруг произошло чудо. Беспорядочная толпа расступилась, превратилась в правильный круг. Люди медленно задвигались, прихлопывая в ладони, и запели мелодично гортанными голосами. И вновь каменный век ступил на клочок городской земли. И эта земля, луна и звезды принадлежали только им, янади. Бесшумно двигались темные полуобнаженные тела, и звучала древняя песня. Янади пели о луне, о прохладных горных джунглях. О синем цветке,

который распускается на благоухающей поляне в лунную ночь. Круг танцующих двигался куда-то в бесконечность, и прекрасные слова необычной для этих мест песни звучали приглушенно и таинственно. Янади пели, и временами шум проходящих поездов заглушал песню. Но они уже не обращали внимания на этот шум. Сегодня они были настоящими свободными янади. Они были самими собой. В эту ночь они бросали вызов городу, тому городу, который превратит их завтра утром в рикш, подметальщиков, уборщиков, разносчиков. Песня была как заклинание против несправедливого колдовства злого города. Но в этой песне-заклинании не было существенной детали. И поэтому заклинание было бессильным. В нем не звучали барабаны...

УЛЫБКА ЯНАДИ

Это случилось в первый день моего появления у янади. Мы остановились у очередной безымянной деревни. У крайней хижины на выжженной земле сидели несколько человек: старик, молодой мужчина, женщина и мальчик.

— Здравствуйте, — вежливо сказала я.

Мне никто не ответил. Все четверо какую-то минуту молча рассматривали меня.

«Что за странное племя?» — подумала я. И стала ждать. И вдруг как будто луч солнца озарил лица сидевших. Они улыбались. Улыбались удивительно искренне и приветливо. И я поняла, что теперь все в порядке. Просто у них не было слова для приветствия. И вместо этого они одаривали человека этой удивительной улыбкой.

Улыбка янади не была чем-то однозначным. В ней были робость и смущение, открытая радость, иногда немного печали, удивление и нежность, затаенная горечь и прямота смелости. Короче говоря, в этой особенной улыбке, как в фокусе, сосредоточивалось все, что было свойственно характеру самих янади. Характер этот формировался в течение многих веков, в своих специфических племенных условиях, в теснейшем общении с природой, в среде традиционных представлений об окружающем мире. Окружающий мир менялся быстро, а представления янади о нем медленно. Со временем увеличивалась своеобразная несовместимость. Несовместимость характера и представ-

лений янади с городом и бытовавшими в нем отношениями. Несовместимость эта почти вычеркнула янади из современного общества и создала в этом обществе твердые представления о племени. Представления эти оказались более однозначными, чем сами янади и их характер. Они сводились к определенному набору эпитетов, прочно прилипших к янади.

Чтобы найти эти эпитеты, не надо было обладать ни оригинальностью мышления, ни душевной чуткостью. Янади ленивы, говорят горожане и крестьяне окрестных деревень, янади глупы и тупы, они непрактичны и медлительны, они... Да стоит ли все это повторять! На это янади отвечает только улыбкой, в которой так много достоинства.

Город шумен и непонятен. Все куда-то бегут и торопятся. Здесь, а не в джунглях, обречен теперь янади добывать средства к существованию. А средства к существованию — это деньги. Деньги можно только заработать. Остальные пути их добывания янади неизвестны. Деньги... Сколько человеческих конфликтов, трагедий и кровавых историй связано с этим понятием. Но об этом янади пока не знает. К деньгам и работе он подходит с позиций древнего собирателя и охотника. Если в хижине нет еды, надо идти в джунгли и добыть ее. Если сегодня еда есть, то не надо беспокоиться. Можно не идти в джунгли, можно сидеть на берегу реки и завороченно смотреть на игру ее струй.

А завтрашний день? В данную минуту это понятие почти абстрактно. Завтрашний день неясно рисуется в призрачной дымке отдаленного будущего. Что такое работа и деньги? Это еда сегодняшнего дня. Это беззаботный вечер и ужин для всей семьи. Нужно ли беспокоиться о завтрашнем дне? Тысячелетиями предки янади не умели этого делать. Могут ли потомки научиться этому за сотню лет? Вряд ли. Когда живешь сегодняшним днем, деньги теряют свою ценность. Деньги и янади существуют пока отдельно. Поэтому в городе говорят: янади не знают цены деньгам. Они не копят деньги, не ссужают их под проценты, не покупают на них лавки и магазины, не ссорятся из-за них, не пересчитывают жадно дневную прибыль, не грабят и не убивают. Янади будет трудиться честно целую неделю, но, получив деньги, он на следующий день не придет на работу. Теперь перед ним стоит важная

проблема: как можно скорей истратить эти деньги без остатка. Пока эта задача не разрешена, янади вновь на работе не появится. Получая деньги, он не станет их пересчитывать. Просто потому, что не умеет считать. Он владеет счетом в пределах десяти, таблица умножения ему не знакома, и он, янади, не в силах ее постигнуть. Он берет столько денег, сколько дает ему хозяин, и претензий не предъявляет. Если хозяин совсем не дает денег, янади тоже спокойно уходит. Поэтому в городе и смеются над янади, считая, что каждый может их обмануть. Но не каждому из смеющихся под силу поступить, как янади. Он не будет валяться в ногах у притеснителя и вымогателя, не будет униженно выклянчивать презренные рупии и не будет плакать. Для этого он слишком горд, самостоятелен и независим. Он привык во всем полагаться только на самого себя. Чужому миру не сделать из него раба. И он не хочет и не желает зависеть от людей этого мира. Он пока одаривает обидчика обезоруживающей улыбкой. Улыбкой янади. Голос, как говорится, не тетка, но и не причина для плохого настроения янади. Недоедание — почти обычное его состояние.

Ну а те, у кого оказались деньги? Как они их тратят? Они идут на рынок. Здесь их снова обманывают и обсчитывают. Янади покупает риса ровно столько, сколько нужно на сегодняшний день. Завтрашний день вновь растворяется для него в неясной дымке далекого времени. Но какие-то деньги еще остаются, и вторая важная покупка — кусок ткани для жены. А если и после этого останутся деньги, янади может осуществить свою заветную мечту — покатаются на автобусе или даже на поезде. В автобусе или вагоне он садится на пол и с замиранием ждет, когда тронется эта чудесная машина. От быстрого движения у него екает внутри, сжимается сердце и чуть кружится голова. Он не представляет себе, куда он едет и зачем. Главное — едет. В раскрытые окна врывается теплый ветер, и мелькают дома и придорожные деревья. Немного жутковато, в этот момент он считает себя самым везучим человеком на свете. Он, городской янади, знает, что тысячи его соплеменников до сих пор не держали монеты в руках, не ездили ни на автобусе, ни на поезде и даже на телеге. И жизнь ему кажется в этот момент счастливой и удивительной. Из этого счастливого забытья янади неред-

ко выводит пинок контролера, обнаружившего, что билет странного пассажира давно уже кончился. Не возражая и не споря, янади покидает вагон и бодро шагает по шпалам туда, опять в город. Обратный путь может занять и два, и три дня...

Семья терпеливо ждет отсутствующего кормильца, не выказывая при этом ни беспокойства, ни волнения. Съестные припасы, которые он наконец приносит, уничтожаются немедленно при общем ликовании всех домочадцев. А когда наступает завтра и в хижине не обнаруживаются ни горстки риса, янади вновь отправляется на работу. К работе он проявляет тот творческий подход, который средний горожанин считает недопустимой роскошью. Янади не возьмется за любую работу. Он выберет ту, что ему по душе. Если ему нравится быть садовником и ухаживать за цветами, он не станет подметальщиком. Если ему интересно крутить педали велорикши, он не наймется батраком к соседнему помещику. Но город и окрестные деревни не в состоянии удовлетворить индивидуальные запросы янади в работе. Тогда янади будет голодать, но не возьмется за труд, который ему неинтересен. Где-то в глубине своей души янади всегда остается бескорыстным, свободным художником. И это тоже не нравится городу. Крестьяне соседних деревень удивляются, как можно пренебрегать акром земли и парой буйволов, которые правительство предоставило янади в некоторых колониях хариджан. Как можно легко терять такую собственность? Но янади не привык ни к собственности, ни к обработке земли. Он пока, как это ни поразительно, остается еще охотником и собирателем. Традиции предков продолжают жить, и их инерция еще велика. Мой неллурский друг Рагавия, много лет занимавшийся благотворительной работой среди янади, как-то сказал мне:

— Ведь надо понять одно, что обеспеченное жилье, надежное занятие и беспокойство о завтрашнем дне — вещи, о которых янади не думали миллионы лет.

— «Миллионы лет», — это сильно сказано, — возразила я. — Первые миллионы лет об этом никто не думал.

— Ну хорошо, — поправился Рагавия, — по крайней мере, они об этом не думали последние две тысячи лет. А впрочем, наблюдайте за нами сами. И особенно в городе. Это будет интересно.

И я стала наблюдать. Отличить

янади в городской толпе было нетрудно. Их сухошавые фигуры в набедренных повязках грациозно и ловко лавировали в густом людском потоке. И в этой их грации было что-то от змеи. Они проскальзывали между горожанами, никого не толкая и не задевая. Иногда их толкали, но они легко отступали в сторону, и на лицах их появлялась улыбка извинения. Когда они выбирались из толпы, то опускали головы и пристально смотрели в землю. Сначала я не могла понять, что с ними происходит. Не могли же все янади находиться в состоянии печали и не могли все сразу бояться поднять голову.

— Послушай, — сказала я одному из них, — почему ты идешь с опущенной головой? У тебя что-нибудь случилось?

— Нет, — оторопело посмотрел он на меня. — Я ишу.

— Что же здесь можно искать? — удивилась я.

— Все, — лаконично ответил он. — Здесь все можно искать.

Город большой, и людей много. Значит, и в городе инстинкт собирателя не покидает янади. Он идет по асфальтовым тротуарам, как по джунглям, и видит на этих тротуарах много больше, чем обычный горожанин. Его острые глаза лесного жителя замечают все: и оброненную случайно вещь, и след, оставленный в пыли, и направление ветра, поднимающего бумажный сор. Город, так же, как и джунгли, рассказывает ему о многом. И он отлично запоминает этот рассказ. Поэтому полицейский инспектор, ведущий трудное расследование, нередко прибегает к помощи янади. Только янади способен точно восстановить ход событий и обстановку. Но когда он рассказывает, его нельзя перебивать, а тем более задавать наводящие вопросы. Ибо с последними янади немедленный начинает соглашаться. Ему надо дать возможность спокойно высказаться. В своем рассказе он не упустит ни одной детали, а сам рассказ будет логичен и последователен. Единственно, что нужно янади от слушающего его человека — это сочувствие к рассказчику и интерес к происходящим событиям. Поэтому янади будет смотреть вам в лицо и искать в ваших глазах понимания. А если вы еще подбодрите его восклицанием «хну!», что для янади равносильно нетерпеливому вопросу: «Что же случилось дальше?» — тогда все будет хорошо.

Янади Венкатасвами однажды помогал полицейскому инспектору. Другой на месте янади сказал

бы просто: ко мне пришел полицейский инспектор. Но это другой, а не янади. Для Венкатасвами короткая фраза «Ко мне пришел полицейский инспектор» была наполнена самыми разнообразными событиями, умолчать о которых значило ничего не сказать. Поэтому короткая фраза в устах рассказчика янади звучала так:

— Это было давно, когда моя жена была беременна старшим сыном. Я сторожил снопы палли в поле Аччи Редди всю предыдущую ночь. На следующее утро я пошел к нему и сказал, что палли можно увозить с поля. Он сказал, что я могу позавтракать холодным рисом. Служанка Субби вынесла мне во двор миску риса. Я сел под лимонным деревом и наелся. Потом Редди попросил Субби дать мне табак, и женщина, которая хорошо мне улыбнулась, принесла мне много табаку. Я вернулся домой и спал целый день. Моя жена разбудила меня и позвала обедать. Я не встал, и она ворчала. Я проснулся на закате и поел риса с рыбным карри. И опять пошел спать. Моя женщина ворчала и ругала Редди и его рисовое поле. Я проснулся с криком петуха, выглянул в дверь и увидел, что светлеет на востоке. Я вышел наружу, справил нужду, потом вернулся к хижине и сел перед ней. Потом я заметил, что два человека идут к моей хижине. Одного я узнал, это был староста деревни. Другой был чужой. Он был средних лет, с густыми усами и шрамом на левой щеке. Оба подошли к моей хижине. Я встал, и чужой спросил: «Ты Венкатасвами?» — «Да», — я ответил. Тогда человек со шрамом заглянул в хижину и велел моей женщине выйти наружу. Она, дрожа, вышла...

Рассказ о разговоре с инспектором, о поездке Венкатасвами в город и успешной его деятельности на поприще неллурского уголовного розыска займет не один печатный лист. Поэтому я решила сэкономить на Венкатасвами. Рассказ Венкатасвами вызвал первый конфликт между моим другом Рагавией и мной. Ортодоксальный брамин Рагавия, снисходительно относившийся к янади, считал, что рассказ свидетельствует о низком интеллектуальном уровне последних. Я же увидела в этом рассказе свидетельство отличной памяти, острой наблюдательности и внимания к чисто человеческим деталям жизни.

Что такое время? Это рассвет, полдень и закат. Все, что существует в промежутках, несуще-

ственно. Поэтому назначать янади точное время бесполезно. Он все равно не придет вовремя. Не потому, что не хочет этого, а потому, что не имеет о точном времени никакого представления. Понятия о долге у него тоже свои. Он знает, что надо заботиться о семье, уважать родителей, чтить своих богов, добывать пропитание, поддерживать отношения с родственниками. Это его обязанности перед собственным племенем, и он их выполняет. Но оказывается, что и соседний, чужой мир требует от янади выполнения каких-то обязанностей. Янади о чем-то просят, куда-то посылают, что-то заставляют делать. Но древний собиратель, идущий из одного конца города в другой с каким-то поручением, отвлекается часто на другие, с его точки зрения более важные дела, и спокойно забывает о поручении. И янади-рикши тоже часто отвлекаются и везут седока не туда, куда нужно последнему. Если седок говорит «направо», рикша из племени янади спокойно может повернуть налево. Пассажир не подозревает, что для янади «право» и «лево» — понятия абстрактные и поэтому трудно усвояемые. Пассажир раздражается, начинает ругаться и оскорблять «тупого» рикшу. Но рикша, к его удивлению, не отвечает ни на брань, ни на оскорбления. Он только улыбается открыто и доверчиво.

Сами янади никого не ругают и не оскорбляют. Они одинаково вежливы и с прачкой, и с брамином. Соблюдая эту традиционную вежливость, янади никогда с чужими не заговорит первым.

Что еще можно сказать об их характере? В них живут честность и верность. Они терпеливы в горе и несчастье. Янади редко плачут и редко впадают в меланхолию и депрессию. Только печаль, спрятанная где-то в глубине глаз, выдает их состояние. Их мужеству иной раз можно позавидовать. Единственное место, где янади теряет свое мужество, — больница или поликлиника. Запах лекарств, непонятные инструменты и строгие люди в белых халатах повергают янади в панику и обращают в позорное бегство. Все это производит на них то же впечатление, что и появление духа около хижины или на тропинке в джунглях. Пожалуй, это два момента в жизни янади, когда он теряет способность улыбаться. Ибо известно, что на духов и врачей улыбки не действуют...

Окончание следует

№ 6 ИЮНЬ 1974

СОДЕРЖАНИЕ

В. ОРЛОВ — По сигналу тревоги	2-я стр. обл.
ЮРИЙ УСТИМЕНКО — Оранжевые краски Ольстера	6
Н. ЯНЬКОВ — Чивиркуйский омуль	13
Загадки, проекты, открытия	17, 77
ВИКТОР КОМАРОВ — Марс мнимый и подлинный	18
ЮРИЙ ПАПОРОВ — По Мехико без гида	22
В. ТРОИЦКИЙ — Круг с «Бриллианта»	30
Б. ВАЛИНСКИЙ — Время измерялось секундами	32
Н. НОСУЛЯ — Я видел это своими глазами	33
Ю. ХОЛОПОВ — Полхов-Майдан	34
Л. ШАПОШНИКОВА — Племя на кварцевых холмах	36
К. Б. ГИЛФОРД — В смерти ближнего спасенье обретишь...	43
Э. НОВГОРОВОДА — Великолепные катафрактарии	47
Г. ГАЕВ — Дневник папы Штефи	51
Робер Стенюи: «Удача — это труд»	54
Н. ЭЙДЕЛЬМАН — ...Страна печальная, гористая, влажная	58
Л. МАРТЫНОВ — Умкоси первого урожая	62
Р. ШТИЛЬМАРК — Волжская метель	66
С. БАРСОВ — Летучая борода	77
Пестрый мир	78
Листая старые страницы	79
Г. СБОЙЧАКОВА — Зачарованные камни Куэнки	80

На первой странице обложки: **ТАИЛАНД.** Девочка-водонос в горах Танентаунджи.

Воду можно носить в ведрах, можно — в бурдюках или, например, мехах. Жители горных селений северо-западного Таиланда считают, что лучше всего для этой цели использовать стволы бамбука. Впервые, бамбук сам по себе не тяжел, а главное — вода в таком «ведре» остается прохладной, даже если от источника до деревни путь не близкий.

Главный редактор **А. В. НИКОНОВ**

Члены редакционной коллегии:

В. И. АККУРАТОВ, А. В. ГУСЕВ, И. М. ЗАБЕЛИН, М. М. КОНДРАТЬЕВА, В. Л. КУДРЯВЦЕВ, В. А. ЛЕБЕДЕВ (заместитель главного редактора), **Г. В. МАКСИМОВИЧ** (ответственный секретарь), **Ю. Б. САВЕНКОВ, А. И. СОЛОВЬЕВ, Л. А. ЧЕШКОВА, В. М. ЧИЧКОВ, Г. И. ЯНАЕВ**

Оформление **А. Гусева и Т. Гороховской**

Рукописи не возвращаются Технический редактор **А. Бугрова**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

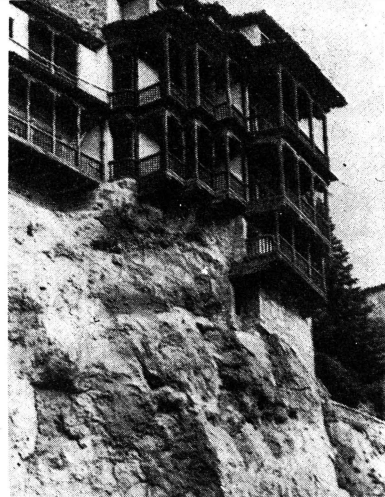
Наш адрес: Москва, К-30, Сущевская, 21. Телефон для справок: 251-15-00, доб. 2-29; отделы: «Наша Родина» — 3-93; иностранный — 2-85; литературы — 3-58; науки — 3-38; писем — 2-68; иллюстраций — 3-16; приложение «Искатель» — 4-10.

Сдано в набор 3/IV 1974 г. Подп. к печ. 8/V 1974 г. А01335.

Формат 84×108¹/₁₆. Печ. л. 5 (усл. 8,4). Уч.-изд. л. 12.

Тираж 2 500 000 экз. Заказ 655. Цена 60 коп.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Москва, К-30, Сущевская, 21.

ЗАЧАРОВАННЫЕ КАМНИ КУЭНКИ

В 152 километрах к востоку от Мадрида лежит древний город Куэнка. Первое, что поражает приезжего, — это неистовство камня, дикого и в то же время прирученного. Дома, словно плющ, карабкаются по склонам. Стены вырастают из нагромождения глыб, продолжают стремление камня вверх, и нельзя с уверенностью сказать, где кончается скала и где начинается творение рук человеческих. Дома построены как бы ступеньками, но ступеньками «наоборот»: верхние этажи нависают над нижними, поэтому крыши почти смыкаются над улицей. Новому человеку трудно разобраться в путанице старинного города: переулки изгибаются, пересекаются, а то и вовсе неожиданно обрываются, упершись в какую-нибудь замшелую стену.

Неподалеку от Куэнки находится «сыюдад энкантада» — «зачарованный город». Так называют лабиринт причудливо выветренных скал, напоминающих то фигуру воина, то голову в рыцарском шлеме, то какое-то доисторическое чудовище. В лабиринтах «зачарованного города» ничего не стоит заблудиться: можно десятки раз возвращаться к одному и тому же месту, — настолько изменчивы скалы, когда их видишь при разном освещении и с разных точек...

Куэнка известна не только камнями. С давних пор славятся ее ткачи и ювелиры, гойчары и кузнецы (решетки, которыми украшены стрельчатые окна готических соборов города, считаются самыми красивыми в Испании). Однако наибольшим почетом пользуются здесь оружейники. Со времени Кордовского халифата из поколения в поколение передавались секреты этого непростого ремесла. Кинжалы, мечи, сабли и шпаги по-прежнему выходят из оружейных мастерских, но покупатель теперь, конечно, не тот, что раньше: туристы, любители экзотики, коллекционеры. Пожалуй, только последние и могут ныне по достоинству оценить отличные клинки, выкованные руками потомственных мастеров.

Г. СБОЙЧАКОВА

